

Оригинальная статья

УДК 159.9

Личность рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании: криминально-психологическое исследование

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Татьяна Васильевна Пивоварова**

Санкт-Петербургский университет ФСИН России
(Санкт-Петербург, Россия)
Tanyabeer@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3627-5455**Аннотация**

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью противодействия рецидиву преступлений и повышения эффективности профилактики преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами. Исследование нацелено на восполнение недостатка информации о роли представлений о преступлении и наказании, их моральной оценки в регуляции противоправного поведения. Полученные сведения позволяют применить субъектно-деятельностный подход к изучению личности рецидивиста, дополняя новые сведения об уровне антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации в группах рецидивистов, совершающих насильственные и корыстные преступления. **Целью** исследования выступает теоретическое описание субъективных представлений о преступлении и наказании как составляющих личности рецидивиста, эмпирическая оценка их уровня в зависимости от количества рецидива. **Методы:** теоретическое исследование осуществляется методами анализа и синтеза теорий и концепций личности рецидивиста. Методы конкретизации и концептуализации применяются для обобщения сведений о роли представлений о преступлении и наказании. Эмпирическое исследование осуществляется методом опроса, обработка результатов выполняется методами корреляционного (по Спирмену), сопоставительного (U-критерий), множественного регрессионного и ковариационного анализа для выявления роли представлений о преступлении и наказаний, уровня вины и стыда в выборках неоднократно судимых лиц. Выборку составляют 911 судимых лиц, средний возраст которых 38,2 года, количество судимостей от 2 до 13. **Результаты:** на основе анализа теорий и концепций изложены теоретические подходы к описанию личности рецидивиста (дифференциально-типологический, социально-психологический и субъектно-деятельностный). Показано, что представления о преступлении и наказании могут рассматриваться в качестве регуляторов социального поведения, а уровень их выраженности изменяется в зависимости

от циклов рецидива. Выявлено, что уровень антиобщественных представлений изменяется на этапе от второй до четвертой судимости. К пятой судимости антиобщественные представления о преступлении и наказании выражены у 92 % рецидивистов, завершая формирование личности рецидивиста. Установлены различия в переживании вины и стыда в зависимости от циклов рецидива: если при двух судимостях уровень вины и стыда составляет 100 %, то с каждым циклом он снижается у корыстных рецидивистов на 18–19 %; у насильственных – на 23–28 %, достигая к пятой судимости уровня лишь 35–40 % от исходного, а к седьмой судимости уровень вины и стыда фактически пропадает. Результаты применимы для разработки методов диагностики риска рецидива, разработки моделей психопрофилактической работы, основанной на модификации субъективных представлений рецидивистов о преступлении и наказании.

Ключевые слова

личность преступника, личность рецидивиста, психология рецидива, рецидивная преступность, вина, пробация, реинтеграция

Для цитирования: Злоказов, К. В., Пивоварова, Т. В. (2026). Личность рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании: криминально-психологическое исследование. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 253–287.

Original paper

Recidivist personality in the context of crime and punishment perceptions: a criminological and psychological study

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Tatyana V. Pivovarova

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
Tanyabeer@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3627-5455

Abstract

Introduction. The relevance of the research stems from the need to counteract recidivism and to improve the effectiveness of preventive measures against crimes committed by previously convicted individuals. The study aims to overcome the lack of information regarding the role of perceptions of crime and punishment, as well as their moral evaluation, in regulating unlawful behaviour. The findings obtained make it possible to apply a subject-activity approach to the study of the personality of repeat offenders, providing further understanding of the extent of antisocial attitudes and socio-psychological maladjustment in groups of recidivists who commit violent and acquisitive crimes. **The aim of the study** is to provide a theoretical description of subjective perceptions of crime and punishment as components of a recidivist's personality, and to conduct an empirical assessment of their

level in relation to the number of repeat offences. **Methods:** The theoretical research is carried out by means of the analysis and synthesis of theories and concepts relating to the personality of repeat offenders. Methods of concretisation and conceptualisation are used to generalise findings on the role of perceptions of crime and punishment. The empirical research is based on a questionnaire survey, the results are processed using correlation analysis (Spearman's), comparative analysis (U-test), multiple regression analysis and covariance analysis in order to identify the role of perceptions of crime and punishment, levels of guilt and shame in samples of repeatedly convicted offenders. The sample comprises 911 convicted individuals, with an average age of 38.2 years; the number of convictions ranges from 2 to 13. **Results:** Based on an analysis of theories and concepts, theoretical approaches for describing the personality of a repeat offender (differential-typological, socio-psychological and subject-activity-based ones) are given. The study demonstrates that perceptions of crime and punishment can be regarded as regulators of social behaviour, whereas their intensity varies depending on the cycles of criminalisation. The study revealed that the level of antisocial perceptions changes between the second and fourth convictions. By the fifth conviction, 92% of repeat offenders express antisocial perceptions of crime and punishment, thereby completing the formation of the repeat offender's personality. Differences are identified in the experience of guilt and shame depending on the cycle of recidivism: whilst the level of guilt and shame stands at 100% for those with two convictions, it decreases by 18–19% with each cycle among profit-motivated recidivists; by 23–28% among violent offenders, reaching only 35–40% of the initial level by the fifth conviction; by the seventh conviction, the level of guilt and shame practically disappears. The findings can be used in working out methods for assessing the risk of reoffending and in developing models for psychopreventive work based on modifying reoffenders' subjective perceptions of crime and punishment.

Keywords

offender profile, repeat offender profile, psychology of recidivism, recidivism, guilt, probation, reintegration

For citation: Zlokazov, K. V., Pivovarova, T. V. (2026). Recidivist personality in the context of crime and punishment perceptions: a criminological and psychological study. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 253–287.

Введение

Актуальность. Личность рецидивиста выступает актуальным предметом научного и практического интереса в связи с общественной опасностью преступного поведения, задачами его профилактики и предупреждения. Можно полагать, что рецидивная преступность¹ является вызовом институту правоохранительной деятельности, поскольку ее субъект оказался устойчив по отношению к применяемым в отношении его мерам уголовной ответственности и действиям по профилактике преступлений. Более того, несмотря на их использование, общественная опасность данной категории лиц не только не снижается, но и возрастает (Филиппова, 2025).

Личность рецидивиста характеризуется наличием устойчивой направленности, допускающей совершение преступления. Такая специфика особенно проявляется в ситуациях выбора между противоправным и правопослушным поведением, которых рецидивист не только не избегает, но и сознательно создает. Дополняет эту черту готовность подвергнуться уголовному наказанию и отбывать его в условиях лишения свободы многие годы. Через призму

¹ Под рецидивными преступлениями в статье подразумеваются преступления, совершенные лицами, имеющими неснятую и непогашенную судимость.

криминологических описаний личность рецидивиста характеризуется стойкой антиобщественной направленностью, сопротивляющейся усилиям по ресоциализации в пенитенциарный период, а в постпенитенциарный период – нежеланием reintegrироваться в общество (Антонян, 2014; Кунц, 2025; Цветаева, 2024).

Данные статистики показывают, что рецидивная преступность при общих темпах снижения преступности в нашей стране в последние пять лет остается на высоком уровне. В 2025 г. более половины (53,7 %) преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления², причем жертвами рецидивных преступников становятся члены семьи, родственники и ближайшее социальное окружение. По данным статистической отчетности за 2024 г., структура преступности ранее судимых лиц выражена весомой долей от общего количества преступлений: корыстных (кражи – 52,5 %, грабежи, разбои – 56,3 %); насильственных (убийства – 32,5 %, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, побои – 56,2 %) деяний³. Эти данные свидетельствуют о том, что успехи в противодействии противоправному поведению рецидивистов вызваны не повышением эффективности мер правового, психологического и воспитательного воздействия, а снижением общего уровня криминализации общества. В связи с этим изучение личности рецидивиста в конкретно-прикладном аспекте видится необходимым условием раскрытия причин невосприимчивости лиц к уголовно-правовому, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному воздействию.

В общесоциальном аспекте изучение личности рецидивиста позволяет понять механизм существования и воспроизводства преступности в обществе путем демонстрации психологических причин этой преступности. Благодаря изучению такого механизма становится понятно, как формируется личность рецидивиста, какое значение здесь имеют индивидуальные особенности, а какое – условия пенитенциарного и постпенитенциарного этапов криминализации.

При высокой значимости изучения психологии личности рецидивиста отечественные знания базируются в основном на криминологических теориях и концепциях. Несмотря на достаточную теоретическую проработку и доказательность, они не объясняют психологических механизмов формирования и развития рецидива преступления и не позволяют судить об особенностях личности рецидивиста, которые выражают «...степень закоренелости и привычку к преступлению, определяющую преступную волю, придающую ей особенно опасный характер...» (Козлов & Севастьянов, 2015).

Вместе с тем эти теории образуют прочный фундамент, объясняющий специфику личности рецидивиста описанием различных психологических образований, побуждающих к совершению рецидива преступления. Их обобщение и эмпирическая проверка могут способствовать выявлению ключевых компонентов, характеризующих антиобщественную сущность личности рецидивиста, ее социально-психологическую дезадаптированность и нарушения моральной регуляции поведения.

В связи с этим **целью** исследования является теоретическое описание субъективных представлений о преступлении и наказании как составляющих личности рецидивиста, эмпирическая оценка их уровня в зависимости от количества рецидивных проявлений.

Источниками знаний о личности рецидивиста в исследовании выступают концепции и идеи, разработанные отечественными и зарубежными криминологами и криминальными психологами. **Задачей** теоретического исследования является изучение подходов к описанию

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. (2026). *Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года* [Статистический сборник]. <https://media.mvd.ru/files/application/16902466>

³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. (2026). *Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год*. <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>

личности рецидивиста и выделение роли представлений о преступлении и наказании как ключевых образований, влияющих на отношение рецидивиста к себе и окружающим, проявляющихся в социально-психологической дезадаптации и нарушениях моральной регуляции поведения. *Эмпирической задачей* является проведение исследования данных представлений у неоднократно судимых лиц, определение их антиобщественного характера, влияющего на риск совершения преступлений и способствующего социальной дезадаптации.

Теоретическим основанием исследования выступают концепция социального мышления (Абульханова, 2002) и онтологическая концепция социального взаимодействия (Леонов, 2004), применяемые нами для объяснения роли представлений в регулировании социального поведения. Представления о преступлении и наказании рассматриваются как образования, формирующие отношение личности к себе и обществу, регулирующие социальное поведение и способствующие совершению правонарушений. Как категория психологических образований представления предстают разновидностью субъективной интерпретации знаний о преступлении и наказании, опосредованной эмоциональным отношением к ним, сформированным на основе опыта (Злоказов, 2021). Представления отражают не только опыт личности, ее знания и иную (образную, перцептивную, сенсорную) информацию, запечатленную в памяти, но и сведения, полученные от окружающих. Представления участвуют в процессах самосознания и познания окружающей действительности, деятельности и взаимодействия с окружением.

Изложенные теоретические основания применяются нами для изучения представлений рецидивистов о преступлении и наказании. Материал статьи разделен на части в соответствии с поставленными задачами.

В первой части обсуждаются теоретические подходы к определению личности рецидивиста, формулируется идея о субъективных представлениях рецидивиста относительно преступления и наказания как ведущем образовании, характеризующем личность и побуждающем к противоправному поведению.

Во второй части статьи проводится эмпирическое исследование представлений, позволяющее установить их антиобщественный характер и динамику развития в зависимости от количества циклов рецидива. Результаты исследования подвергаются интерпретации, в которой дается описание психологии личности рецидивиста, формирующих ее компонентов (антиобщественных представлений о преступлении и наказании, представлений о социально-психологической дезадаптации) и изменений их уровня в зависимости от цикла рецидива (совершение преступления – отбывание наказания – постпенитенциарная реинтеграция).

Представление о личности рецидивиста и подходы к ее рассмотрению в криминологии и криминальной психологии

Подходы к анализу личности рецидивиста в целом тождественны подходам к изучению личности преступника и ориентированы на изучение ее психологических составляющих (Эминов & Антонян, 2015).

Вместе с тем исследование психологии рецидива требует объяснения многолетней устойчивости личности к уголовно-правовому воздействию, нечувствительности к уголовному наказанию, которые приводят к совершению преступлений.

Признавая необходимость изучения личности рецидивиста на разных этапах рецидива (до и в период совершения преступления, уголовного преследования, отбывания наказания, после освобождения), принципиально важно определить его психологический механизм, выяснить, может ли он быть связан с индивидуально-типологическими особенностями или выступать результатом воздействия социальных условий, общественных

отношений, влияющих на личность. Полагаем, что результатом разработки представления о личности рецидивиста должен выступить механизм, объясняющий, какие психологические основания побуждают к противоправному поведению, какие повышают устойчивость к уголовному наказанию, а какие снижают влияние на субъекта, отбывшего назначенное ему уголовное наказание.

Теоретические знания о личности рецидивиста могут быть представлены в виде трех условно не зависимых друг от друга подходов – дифференциально-типологического, социально-психологического и субъектно-деятельностного. Рассмотрим их более подробно.

1. Дифференциально-типологический подход к определению личности рецидивиста, описывающий ее в виде структуры и составляющих ее компонентов (Новикова, 2021)

Разрабатываемые определения личности характеризуют ее через совокупность психологических образований (индивидуально-типологических, когнитивных, эмоциональных, регулятивных, потребностно-мотивационных, ценностно-смысловых и иных). Комплексы компонентов различаются масштабом и могут включать от одного ведущего личностного фактора (психопатологического (p-factor)) (DeLisi et al., 2022) до нескольких разноуровневых образований, относимых по своему генезу к разным этапам формирования психики. Так, Е. М. Разумова использует модель компонентов личности, предложенную Б. Г. Ананьевым (коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных, волевых), устанавливая на ее основе отличия, присущие рецидивистам. Е. А. Антонян причисляет к структуре личности рецидивиста «убеждения, взгляды, интересы, ориентации, умения, навыки, привычки, стереотипы поведения, темперамент, установки» (Антонян, 2022, с.153). Е. Б. Кургузкина относит к структуре личности социально-демографические признаки, конституционные и нейродинамические свойства, психодинамический уровень, психологические характеристики и самосознание (Кургузкина, 2003, с. 30).

Следует отметить, что проводимые в российской криминальной психологии исследования не нацелены на создание качественно новой модели личности, а выделяют составляющие общепсихологических моделей личности, присутствующие у неоднократно судимых лиц.

В зарубежных исследованиях делаются попытки разработки моделей личности рецидивиста на основе специфических свойств. Для этого используются их группировки, устойчиво связанные с антиобщественным поведением (например, «Темная триада») (Opriş et al., 2025). С их помощью устанавливается функциональное значение свойств личности (например, эмоциональной нечувствительности, садизма, мстительности, лживости и нарциссизма) в детерминации рецидива преступления. В рамках когнитивных исследований рецидивистов изучению подвергаются присущие им стили мышления (концепция «стилей криминального мышления»), показывающие специфические составляющие, отсутствующие у неосторожных преступников и правонарушителей (Walters, 2025). В их числе выделяют: а) проактивное криминальное мышление, свойственное корыстным преступникам, которое ориентировано на получение выгоды от совершения преступления и морального самооправдания этого поступка; б) реактивное мышление, присущее преступникам, склонным к криминальному насилию, характеризующееся враждебностью, гневливостью и неспособностью просчитывать последствия собственных действий (Злоказов, 2014).

Наряду с дифференциацией компонентов личности рецидивиста применяется и типологический подход, описывающий симптомокомплексы свойств и качеств личности. Примерами такого подхода служат исследования индивидуальных особенностей, связанных с психопатией (Moretti et al., 2024) и асоциальными расстройствами (Allen et al., 2024), присущими рецидивистам. Помимо клинических (субклинических) предпосылок предметом исследования выступают различия в свойствах личности, выраженных у рецидивистов. Так, кластерный

анализ опроса 2 388 преступников продемонстрировал, что криминогенный потенциал могут характеризовать совокупные проявления высокого уровня импульсивности в сочетании со сниженными когнитивными способностями, нарушениями регуляции эмоционального состояния и антиобщественной направленностью (Werth & Coolidge, 2025). Наряду с изучением различий рецидивистов и правопослушных лиц осуществляются и внутрипопуляционные исследования, описывающие личностные особенности рецидивистов, склонных к разным видам преступлений. Например, в работе Е. А. Левиной (Левина, 2004) рассматриваются личностные особенности рецидивистов, совершивших насильственные, корыстные и иные виды преступлений. Таким образом, с дифференциально-типологической точки зрения личность рецидивиста определяется комплексом компонентов, обуславливающих «...степень устойчивости отрицательного отношения к обществу, ...степень антисоциальных установок, ...возможной или доказанной неисправимости...» (Козлов & Севастьянов, 2015).

Признавая состоятельность дифференциально-типологического подхода, отметим специфику, снижающую его применимость к объяснению психологии рецидива преступления.

Анализируя присущее дифференциально-типологическому подходу представление о личности как устойчивой и неизменной совокупности свойств, следует указать на его ограниченность. Присоединяясь к мнению Е. Б. Кургузкиной о том, что личность преступника «...не есть нечто застывшее, раз и навсегда сформировавшееся. Иначе было бы невозможно предупреждение преступлений» (Кургузкина, 2003, с. 30), отметим, что личность рецидивиста может характеризоваться как психологическое состояние, в котором антиобщественные и противоправные представления сохраняются продолжительное время.

2. Социально-психологический подход, объясняющий психологию рецидива преступления проявлением отношения субъекта к социальному взаимодействию и выражением в нем направленности на нарушение правовых норм

Теоретическим основанием подхода являются представления о социальном взаимодействии личности и общества, появившиеся в отечественной криминологии и социальной психологии 60-х гг. XX в. В трактовке А. Б. Сахарова личность рецидивиста характеризуется глубокими и стойкими антиобщественными установками (Сахаров, 1961). Считая, что преступные посягательства рецидивиста обусловлены глубоким укоренением антиобщественных и противоправных установок и неспособностью социального окружения оказывать им противодействие, исследователи разрабатывают соответствующие модели личности. Примером может служить предложенная Г. М. Миньковским типология личности преступника, подвергающегося негативному влиянию социального окружения (Миньковский, 1971). Он описывает случайный тип, чей преступный поступок противоречит направленности личности; неустойчивый тип, совершающий преступления под влиянием обстоятельств; негативно ориентированный тип личности, находящийся в криминализованной социальной среде с антиобщественным времяпрепровождением; преступный тип, имеющий внутреннюю установку на поиск и организацию повода для совершения преступления. Еще один пример – типология А. М. Яковлева, основывающаяся на оценке десоциализации преступника и дифференцирующая его на антисоциальный, асоциальный и социализированный типы. По мнению исследователя, антисоциальный тип руководствуется собственными аморальными установками и позициями, проявляющимися в совершении преступления; асоциальный тип не считается с социальными нормами и правилами, а социализированный тип разделяет и соблюдает их, но под влиянием ситуации может их нарушить (Яковлев, 1971).

В современных исследованиях социально-психологическая линия представлена предложенной В. И. Горкиным типологией личности рецидивиста, разработанной на основании глубины и стойкости антиобщественной направленности и подразделяющей рецидивистов

на антисоциальных, асоциальных и ситуативных (Горкин, 2007); характеристикой личности рецидивиста, данной И. С. Лебешевым, который выделил устойчивость антиобщественного поведения, эгоцентричность и высокую степень адаптивности личности рецидивиста, что, по его мнению, позволяет вести паразитический образ жизни (Лебешев, 2025); а также работами Е. В. Кунц, отмечающей значение компонентов личности, обеспечивающих подверженность судимого лица негативному влиянию социального окружения (Кунц, 2025).

Ограничения социально-психологического подхода к определению личности рецидивиста обусловлены идеей о том, что личность является «социальным проектом», а общество играет ведущую роль в ее формировании (Злоказов, 2021). Соглашаясь с тем, что общество в целом и социальное окружение в частности в значительной степени формируют личность преступника, опрометчиво предполагать подобное в отношении личности рецидивиста. Принятие решения о совершении преступления при осознании уголовно-правовых последствий этого деяния не только опирается на моральные качества, но и зависит от субъективного представления о его приемлемости, допустимости, рациональной оценки баланса положительных и отрицательных последствий (Кургузкина, 2003; Пастушеня, 2010; Коноплева и др., 2022). Полагая, что неоднократно судимое лицо не принимает во внимание этих условий, социально-психологический подход игнорирует значение в совершении преступления самого субъекта, действующего под влиянием собственных представлений, убеждений и ценностей. Вызывает сомнения идея предупреждения рецидива преступления из-за дефектов личности за счет выстраивания внешнего сдерживающего противовеса (например, усиления репрессивно-карательных мер) сдвигает фокус внимания с личности рецидивиста на институт социализации и систему профилактики преступлений (Сахаров, 1961).

3. Субъектно-деятельностный подход, определяющий личность рецидивиста в совокупности психологических компонентов, необходимых для рецидива преступления

В таком контексте личность представляет собой функциональную систему, результатом деятельности которой является преступление, а психологические составляющие выполняют роль элементов внутреннего механизма осуществления преступной деятельности. Несмотря на то что в данном подходе личность сводится к совокупности психологических характеристик, вызывающих совершение повторного преступления (Глухов & Егерев, 2019), их диапазон весьма широк. Здесь уместно вспомнить выполненную К. К. Платоновым дифференциацию преступников по вероятности рецидива преступлений. Он подразделяет их на случайно-небрежных (не осознающих противозаконности своих действий); оступившихся (осознающих противоправность своих действий); привычных правонарушителей (готовых к совершению преступления); преступных личностей (имеющих низкий порог совершения противоправных деяний и обладающих устойчивой способностью к преступным деяниям). А. Г. Ковалев характеризует личность преступника по криминальной зараженности (склонности к совершению преступлений). Он выделяет предкриминальный тип (лентяй легкомысленный, эмоционально возбудимый); преступный парциальный тип личности (с частичной (неполной) зараженностью); преступный глобальный тип личности (отличающийся твердостью преступной воли и стойкой неколебимостью в желании осуществить уголовные (преступные) деяния) (Ковалев, 1968).

Обратим внимание на один из вариантов развития субъектно-деятельностного подхода к описанию личности рецидивиста – регулятивный. Он фокусируется на личностных компонентах, управляющих поведением преступника. Примером регулятивного подхода к личности преступника может служить концепция, разработанная А. Н. Пастушеней, включающая компоненты психологической регуляции преступления и внутриличностные уровни ее осуществления (Пастушеня, 2010). В отличие от субъектно-деятельностного подхода, целью

регуляции является механизм контроля над поведением как непосредственно при совершении преступления (описывающем подготовку, совершение и постпреступное поведение), так и в расширительном значении, охватывающем жизнедеятельность рецидивиста в определенный период ее осуществления (допениденциарный, пениденциарный, постпениденциарный).

В этом контексте заслуживают внимания исследования, описывающие компоненты внутриличностной регуляции социального поведения. В работе И. Н. Коноплевой с соавторами описываются особенности волевой саморегуляции осужденных, совершивших преступления при рецидиве. К ним авторы относят низкий уровень планирования, самостоятельности и слабый эмоциональный отклик в ответ на неудачу при достижении цели (Коноплева и др., 2022). Помимо компонентов самоуправления поведением изучению подвергается и ценностно-смысловая сфера личности рецидивиста. Раскрытию значения ценностей и описанию ценностно-нормативного ядра личности преступника посвящены работы А. Р. Ратинова, показавшего значение этой сферы в совершении преступления (Ратинов, 1981). О сознательных и подсознательных механизмах саморегуляции для рецидива преступления писал М. И. Еникеев, характеризовавший личность рецидивиста как результат дефектов саморегуляции, сочетающихся с антисоциальными ценностными ориентациями и ситуативно-средовой зависимостью (Пахомова, 2023b).

В исследованиях отечественных криминальных психологов отмечается, что моральная сфера выступает внутриличностным контуром регуляции правопослушного поведения. Она оказывает влияние посредством переживания личностью эмоций и чувств в ситуации выбора между противоправным и правопослушным поведением (Макогон & Ениколопов, 2014). Ряд исследователей указывает на ведущее значение вины и стыда для осмысления личностью преступления и переживания уголовного наказания за него (Поминов, 2026), а также реинтеграции в общество после освобождения (Шаранов & Зуева, 2024). Так, J. R. Silver, E. Silver рассмотрели функциональное значение моральной сферы в совершении преступления (Silver & Silver, 2021); Van Vugt и соавторы исследовали роль моральных переживаний в ситуации рецидива преступления (Van Vugt et al., 2011). Анализируя уровень моральной нормативности поведения у рецидивистов с различными временными интервалами между совершением преступлений, Н. А. Цветкова констатирует, что короткий интервал между судимостями обусловлен в том числе низким уровнем морально-нравственной нормативности личности (Цветкова, 2024).

Характеризуя субъектно-деятельностный подход к разработке личности рецидивиста, следует отметить, что его ограничением является зависимость от деятельности, на которую ориентирован субъект. В теориях личности рецидивиста, ориентированных на совершение преступления (например, в пениденциарный либо постпениденциарный период), комплекс характеристик личности будет отличаться, например, от теорий, ориентированных на ресоциализацию, а построение модели личности, которая препятствует совершению преступлений (Щербаков, 2023), потребует, вероятно, формирования иной совокупности свойств личности. Таким образом, зависимость субъектно-деятельностного подхода от необходимости увязывать комплекс личностных детерминант с деятельностью, субъектом которой является рецидивист, вызывает определенные ограничения его использования.

Подводя итог анализу подходов к определению личности рецидивиста, следует отметить разнородность теорий, концепций и идей. Целесообразно определить «точку сборки» различных представлений о личности, которая, с одной стороны, раскрывала бы антиобщественную направленность рецидивиста, побуждающую его к совершению преступлений, а с другой стороны, характеризовала бы психологическое состояние отчуждения от общества,

препятствующее ресоциализации и делающей невозможной реинтеграцию в общество. Несмотря на то что данные параметры имплицитно представлены во всех описанных подходах к личности рецидивиста, они весьма разнородны. Ради выстраивания единого взгляда на психологию рецидива охарактеризуем личность как «субъекта социальных отношений и сознательной деятельности»⁴. Поскольку в такой трактовке личность определяется включенностью в социальные связи в форме занимаемых в них статусов, то для личности рецидивиста правовой статус выступает наиболее значимым среди прочих. При этом статус рецидивиста обладает институциональной и культурной составляющими, совместно регламентирующими как социальное взаимодействие, так и самоотношение личности. Таким образом, личность рецидивиста может быть охарактеризована через систему представлений о себе как субъекте социального взаимодействия с конкретным правовым статусом, причем содержание этих представлений включает как социальные значения, так и субъективное отношение к ним. Совокупность представлений о себе, окружающем мире и обществе пробуждает социальную активность рецидивиста, определяет и регулирует ее направленность.

Конкретизируя новообразования, характеризующие личность рецидивиста, выделим субъективные представления о преступлении и наказании. Они, на наш взгляд, полнее всего выражают отношение неоднократно судимого лица к своему социальному поведению в контексте установленных обществом норм. Данные представления аккумулируют интернализованные социальные значения преступления и наказания, опираясь и охватывая как сферу права, так и сферу морали. Их анализ позволяет обратиться к правовым знаниям личности и ее отношению к праву как к общественно установленному (внешнему по отношению к личности) регулятору социального поведения, а также изучить механизм морального контроля и его субъективных (внутриличностных) регуляторов. Влияние морального контроля раскрывается в переживании вины и стыда, связанных с совершением преступления и установленных в результате наказания правовым статусом (например, преступник, осужденный, судимый). Таким образом, обращение к субъективным представлениям о преступлении и наказании раскрывает внешнюю (правовую) и внутреннюю (моральную) регуляцию поведения рецидивиста.

Оценка моральных представлений в контексте переживаний вины и стыда позволяет характеризовать спектр отношений личности к собственным противоправным действиям и к себе как их субъекту, показывая, каким образом функционирует внутриличностная регуляция социального поведения. Учитывая, что вина и стыд являются интегральными проявлениями моральной сферы личности, выражающими оценку состояния и результатов социального взаимодействия (Короткова, 2002), их изучение крайне важно не только с позиции оценки антиобщественной направленности личности, но и перспектив реинтеграции в общество.

Считая личность рецидивиста не статичным, а динамичным образованием, по своим параметрам близким к категории состояния, следует охарактеризовать факторы, влияющие на ее формирование.

Исследуя изменения личности, связанные с отбыванием наказания, ученые отмечают ведущее значение пенитенциарных условий для возникновения психологических предпосылок к рецидиву преступлений. В частности, А. Н. Михайлов формирование личности рецидивиста описывает как развитие криминальной идентичности, а также сохранение и воспроизводство

⁴ Карпенко, Л. А. (Ред.-сост.). Личность. В *Психологический лексикон. Энциклопедический словарь* (Т. Общая психология). <http://dictionary.pirao.ru/T2ob/101/10114.htm>

криминального поведения в условиях исправительного учреждения (Михайлов, 1998). Становление личности рецидивиста через профессионализацию криминальной деятельности анализирует А. А. Забелич, рассматривающий данный процесс через призму правовых, социальных и психологических характеристик (Забелич, 2013). Е. М. Разумова связывает рецидивное поведение с личностными деформациями, происходящими в связи с увеличением числа судимостей и сроков отбывания наказания, сопряженным с закреплением у рецидивиста антисоциальной совокупности ценностей и норм (Разумова, 2007). Н. А. Цветкова отмечает изменения в смысловых ориентациях и снижение личностного адаптационного потенциала, характерного для рецидивистов, совершающих преступления в течение нескольких лет после освобождения (Цветкова, 2024). Можно заключить, что на формирование личности рецидивиста оказывает влияние пенитенциарный этап (Москалев, 2012), однако его значение, на наш взгляд, необходимо оценивать через призму субъективных представлений о преступлении и наказании, а также через их переживание личностью в виде вины и стыда.

Помимо влияния пенитенциарной среды, важно выделить фактор развития, который в форме социальных представлений устанавливает общественные ожидания от человека, достигшего определенного возраста. В разных психологических теориях возрастного развития возраст молодости связан с получением профессии и ведением деятельности, образованием семьи и рождением детей; возраст зрелости – с накоплением профессионального и социального опыта, его распространением среди более молодых коллег, получением общественного признания в профессиональной и иных сферах деятельности. В силу социальных условий социально-психологические задачи неоднократно судимыми лицами решаются не полностью, что оказывает на них дополнительное фрустрирующее воздействие. Одним из негативных вариантов переживания становится внутриличностный конфликт между субъективными представлениями рецидивиста о социальном статусе, профессии и семье, с одной стороны, и ограничениями, вызванными отбыванием наказания, связанным с лишением свободы – с другой. Более того, думается, что на постпенитенциарном этапе нерешенные задачи возраста встают перед рецидивистом в полный рост. Ближайшее окружение (члены семьи, родственники и знакомые) становится своеобразным «социальным зеркалом», показывающим неуспехи бывшего осужденного, отстающего от сверстников по темпам и качеству социального развития.

Эта ситуация усиливает психологическое воздействие, побуждая рецидивиста искать способы ослабить или устранить обвинение в социальной неэффективности. В их числе следует назвать социально-дезадаптивные стратегии поведения:

- (а) избегание, разрыв связей с близким социальным окружением как способ исключить возможность социального сравнения;
- (б) отрицание норм и демонстративно оппозиционное поведение как способ обесценить социальное окружение;
- (в) стремление к получению (обладанию) социально значимых предметов (денег, вещей, ценностей) как способ восстановления статуса в обществе;
- (г) манипулятивное влияние на близкое окружение для подтверждения и признания собственной эффективности (Jasni et al., 2024).

Влияние факторов пенитенциарной среды и задач развития не только дезадаптирует личность, но и развивает у нее социально-дезадаптивные установки, которые проявляются в нежелании продолжать общение с близкими родственниками и знакомыми, поддерживать с ними социальную связь и восстанавливать взаимоотношения. Данные факторы, напротив, проявляются в стремлении исключить контакты с социальным окружением, существовавшие до судимостей.

С учетом изложенного мы делаем предположение об изменениях личности рецидивиста, выражающихся в росте антиобщественных представлений о преступлении и наказании, усилении социально-психологической дезадаптации, а также дисфункции моральной регуляции поведения. Эти изменения являются новообразованиями личности и развиваются в связи с циклами рецидива (рис. 1).

Рис. 1. Субъективные представления, характеризующие личность рецидивиста

Fig. 1. Subjective perceptions characterizing the personality of a recidivist

Иллюстрируя эту гипотезу с опорой на представления А. Н. Пастушени о сущности криминальной склонности личности, подчеркнем, что под влиянием отбывания наказания изменяются представления о приемлемости / неприемлемости определенного объекта преступного посягательства, приемлемой тяжести причинения вреда; подверженность внешним (внеличностным) факторам, стимулирующим криминальное поведение (Пастушени, 2015). При этом циклы рецидива в равной мере могут развивать представления, которые обуславливают совершение преступлений, а могут сдерживать противоправные деяния, побуждая к правоупотребительному образу жизни. Выяснению этих обстоятельств и посвящено наше эмпирическое исследование.

Эмпирическое исследование

Цель – анализ представлений о преступлении, наказании и его последствиях у рецидивистов.

Результат: выявление закономерностей в субъективных представлениях о преступлении и наказании, присущих рецидивистам, объясняющих низкий уровень их реинтеграции в общество и готовность к совершению преступления.

Гипотезы:

- (а) антиобщественная сущность представлений о преступлении и наказании пропорциональна уровню социальной дезадаптации рецидивиста;
- (б) психология рецидива преступления определяется антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией рецидивиста;
- (в) моральные регуляторы недопустимости преступления – стыд и вина – теряют эффективность с каждым циклом рецидива (преступление – наказание – постпенитенциарная реинтеграция).

Методы и методики

Сбор данных осуществлялся методом самоотчета с помощью специально разработанной анкеты. Ее структуру составили:

(а) представление о цели преступления: материальные; нематериальные межличностные (контроль поведения, помощь семье, уважение близких); нематериальные общесоциальные (доказывание окружению, восстановление справедливости, помощь обществу);

(б) представление о структуре преступления: планирование цели и оценка риска быть пойманным (последствий уголовного преследования); детализация замысла до, в момент и после преступления; привлечение соучастников; изменения в момент преступления и применение насилия; достижение цели, соответствие замысла процессу преступления;

(в) представление о последствиях преступления: изменения мнения о событии преступления, потерпевшем и себе, оценка себя и преступления, влияние события преступления на личность, раскаяние;

(г) представление об уголовном наказании: моральная оценка наказания, отношения к жизни и соответствия представлениям о ней; связанные с наказанием представления об органах власти, об оправдании перед близкими, изменении их мнения о себе, необходимости поддержания связи с семьей (родственниками, планировании жизни после освобождения).

Для каждого утверждения анкеты использовалась трехпунктовая шкала измерения: отсутствие (ответ «нет» – 0 баллов); средняя выраженность (эпизодическая, частная (ответ «иногда» – 1 балл); наличие (ответ «да» – 2 балла).

Статистические расчеты выполнялись в программе SPSS 21.0, а также на языке программирования R. Качественные результаты (описания и комментарии опрошенных) не обрабатывались, но изучались и приводятся по тексту статьи как иллюстрации.

Все анкеты оценивались на предмет корректности заполнения, исключались неполностью заполненные либо заполненные с нарушением инструкции. В результате отбракованными оказались 98 анкет (данные о них не включены в выборку).

В исследовании принимали участие неоднократно судимые лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России Архангельской, Кировской, Рязанской, Свердловской областей; $n = 911$ человек, мужчин = 773 человека, средний возраст 38,2 года. Количество судимостей в выборке от 2 до 13, ср. знач. = 3, мода = 3, медиана = 3. Выборка разделена по характеру преступлений на два типа – корыстный и насильственный. Дифференциация на корыстных/насильственных преступников осуществлялась по последнему совершенному преступлению (наиболее тяжкому из имеющихся в приговоре).

Корыстные преступления (ст. ст. 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166 УК РФ), доля в выборке 46,4 % (449 человек). Мужчин в выборке 84 %, средний возраст = 36,2 года, ст. отклон. = 9,7 года; возраст от 19 до 62 лет (19–25 лет: 18 %, 26–35 лет: 34 %, 36–45 лет: 32 %, 46–60 лет: 14 %, 60 и старше: 2 %). Количество судимостей: две–три – у 68 % осужденных в выборке, более четырех у 32 %.

Насильственные преступления (ст. ст. 105, 111, 112, 115, 116, 131, 132, 134, 135 УК РФ), доля в выборке 53,5 % (462 человека), средний возраст 38,8 года, ст. отклон. = 10,9 года, возраст: от 19 до 70 лет (19–25 лет: 12 %, 26–35 лет: 28 %, 36–45 лет: 36 %, 46–60 лет: 18 %, 60 и старше: 6 %). Количество судимостей: две–три у 84 % осужденных, более четырех у 16 % осужденных в выборке.

Социально-культурный уровень выборки: среднее образование имеют 76 % выборки, из них среднее профессиональное – 42 %; среднее общее – 32 % (2 % не уточнили вид); высшее образование – 11 %; основное общее образование – 5 %; не указали сведения об образовании 8 % опрошенных.

Семейное положение: холост (не замужем) – 47 % (из них разведены – 21 %); гражданский брак – 32 %; состоят в браке – 14 %; не указали сведения о семейном положении – 7 %.

Результаты

Результаты показываются последовательно, согласно предложенным гипотезам.

Гипотеза 1. Антиобщественная сущность представлений о преступлении и наказании пропорциональна уровню социальной дезадаптации преступника, усиливается с каждым циклом рецидива.

Антиобщественная сущность представлений о преступлении и наказании оценивалась на основе суммирования ответов:

- (1) о допустимости совершения подобного преступления;
- (2) о незаслуженности наказания за совершенное преступление;
- (3) о невозможности осуждения человека, совершившего подобное преступление;
- (4) о влиянии наказания на отрицательное отношение к органам власти.

Оценка согласованности показала приемлемый уровень суммарного показателя (α -Кронбаха (для бинарных переменных) = 0,75; межпунктовая корреляция $R = 0,63$), что позволяет использовать его в качестве индикатора представлений о преступлении и наказании.

Показатель социальной дезадаптации рассчитывался на основе суммирования ответов:

- (1) об отсутствии планов на жизнь после освобождения;
- (2) о несоответствии представлений о жизни и реальности;
- (3) об ухудшении самооценки в связи с отбыванием наказания;
- (4) о нежелании восстанавливать связь с родственниками и ближайшим окружением.

Оценка согласованности продемонстрировала удовлетворительный уровень (α -Кронбаха (для бинарных переменных) = 0,88, межпунктовая корреляция $R = 0,74$), что свидетельствует о возможности применения показателя в качестве индикатора оценки социальной дезадаптации.

Тестирование гипотезы осуществлялось посредством расчета корреляции между показателями представлений о наказании и социальной дезадаптации. Результаты подтвердили наличие корреляционной связи (R Спирмена = 0,67, $p < 0,001$). Для изучения сопряжения проведен расчет частоты встречаемости в выборке рецидивистов (таблица 1).

Таблица 1. Сопряжения представлений о преступлении и наказании и социальной дезадаптации у рецидивистов

Table 1. The correlation between perceptions of crime and punishment and social maladjustment among repeat offenders

Антиобщественные представления о преступлении и наказании	Уровень социально-психологической дезадаптации, чел. (%)		
	Низкая (0–1)	Высокая (5–6)	Всего
Низкий уровень (0–1)	152 (67 %)	75 (33 %)	227
Высокий уровень (5–6)	24 (17 %)	117 (83 %)	141
Всего	176	192	368

Примечание: коэффициент сопряженности $\phi = 0,486$, отношение шансов (odds ratio) = 9,88 (95 % CI = 5,88–16,61).

Таким образом, несмотря на средние значения сопряжения антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации в выборке (48 %), степень их взаимообусловленности составляет 9,88, т. е. вероятность высокой социальной дезадаптации в 9,88 раз выше у рецидивистов, не раскаявшихся в совершенном преступлении, считающих, что они не заслуживают наказания и оправдывающих себя. При этом нами не выявлено статистически значимых различий между корыстными и насильственными преступниками ($p > 0,06$), а также мужчинами и женщинами ($p > 0,06$) в выборке. Полученный результат подтверждает гипотезу, демонстрируя, что дезадаптация и антиобщественные представления о преступлении и наказании взаимосвязаны. При этом количество судимостей влияет на оба показателя, усиливая их взаимовлияние (таблица 2).

Таблица 2. Влияние количества судимостей на отношения между антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией у рецидивистов

Table 2. The effect of the number of previous convictions on the correlation between antisocial perceptions and socio-psychological maladjustment among repeat offenders

Количество судимостей	Отношения между антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией				
	Статистика показателей		Статистика отношений между показателями		
	Антиобщ. предст.	Соц.-псих. дезадаптац.	Корреляция	Линейная регрессия	Частота шансов (Odds ratio)
2 судимости (n = 418)	M = 1,8 SD = 1,1	M = 1,2 SD = 0,9	0,61 при $p < 0,001$	$\beta = 0,34$, $R^2 = 0,23$	6,4, при $p < 0,001$
3–4 судимости (n = 294)	M = 2,8 SD = 1,0	M = 2,1 SD = 0,8	0,71 при $p < 0,001$	$\beta = 0,51$, $R^2 = 0,5$	12,1, при $p < 0,001$
5 и более судимостей (n = 79)	M = 3,4 SD = 0,7	M = 2,5 SD = 0,6	0,79 при $p < 0,001$	$\beta = 0,59$, $R^2 = 0,52$	14,3, при $p < 0,001$

Примечание: (а) различия показателей между группами рецидивистов с разным количеством судимостей статистически значимы: для показателя антиобщественных представлений о преступлении и наказании (однофакторный дисперсионный анализ) $F(2,790) = 42,3$, $p < 0,001$; для показателя социально-психологической дезадаптации $F(2,790) = 38,1$, $p < 0,001$).

Результаты свидетельствуют, что с увеличением количества судимостей пропорционально усиливаются антиобщественный характер представлений о преступлениях и наказании и социально-психологическая дезадаптация рецидивистов. При этом существенный рост наблюдается между второй и третьей судимостями (что прослеживается и в значении коэффициента корреляции и детерминации). При третьей и последующих судимостях усиление связи между этими представлениями продолжается, но темпы его невысоки. Регрессионный анализ показывает, что рост антиобщественных представлений на один балл способствует увеличению роста дезадаптации на 0,34 балла у лиц с двумя судимостями; на 0,51 балла – у лиц с 3–4 судимостями; на 0,59 балла – у лиц с пятью и более судимостями.

Полагаем, что интервал между второй и третьей судимостями становится своеобразной точкой невозврата к отказу от криминального поведения и следования правопослушному образу жизни. Это подтверждает и оценка шансов (odds ratio) роста социально-психологической дезадаптации в зависимости от уровня антиобщественных представлений. У лиц с двумя судимостями она составляет 6-кратный риск (95 % СИ = 1,6; 10,9 при $p = 0,003$), а у лиц с 3–4 судимостями повышается до 12-кратного риска (95 % СИ = 3,1; 30,2 при $p < 0,001$).

Завершая анализ, подчеркнем, что гипотеза о связи антиобщественной сущности представлений о преступлении и наказании и социально-психологической дезадаптации подтверждена: увеличение числа судимостей сопровождается двумя взаимоусиливающими тенденциями: 1) обесцениванием уголовного наказания, отрицанием морального осуждения себя в связи с преступлением, ухудшением отношения к органам власти; 2) негативным отношением к жизни, избеганием планирования будущего, снижением самооценки.

Гипотеза 2. Структура преступления детерминирована антиобщественными представлениями и социальной дезадаптацией.

Проверка гипотезы осуществлялась оценкой статистических различий показателей антиобщественных представлений о преступлении и наказании, а также уровнем социально-психологической дезадаптации, с одной стороны; целью и структурой последнего совершенного преступления у корыстных и насильственных преступников – с другой. Предполагалось, что антиобщественные представления и социальная дезадаптация влияют на психологическую составляющую регуляции преступного деяния, например, усложняя этапы подготовки и осуществления из-за страха изобличения и нежелания быть вновь подвергнутым уголовному наказанию, либо, напротив, они могли упрощать преступление, поскольку опыт их совершения подсказывал рецидивисту модель поведения, при которой риск наказания был минимальным.

На первом этапе изучались связи между показателем антиобщественных представлений, уровнем социально-психологической дезадаптации рецидивиста и целью последнего совершенного преступления (таблица 3).

Таблица 3. Представление о цели преступления у рецидивистов в связи с выраженностью антиобщественных представлений о преступлении и наказании и уровнем социально-психологической дезадаптации

Table 3. Perceptions of the purpose of crime among repeat offenders with regard to the intensity of anti-social perceptions of crime and punishment and the level of socio-psychological maladjustment

Характеристика цели преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Помощь семье, близким						
Корыстный рецидив	0,64 (**)	58 %	94 %	0,62 (**)	62 %	92 %
Насильственный рецидив	0,14	48 %	52 %	0,18	45 %	52 %
Достижение важной цели						
Корыстный рецидив	0,60 (**)	52 %	88 %	0,58 (**)	46 %	82 %
Насильственный рецидив	0,22	42 %	52 %	0,31	38 %	48 %

Характеристика цели преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Дорогие и недоступные вещи						
Корыстный рецидив	0,52 (**)	44 %	78 %	0,48 (**)	42 %	72 %
Насильственный рецидив	0,08	36 %	40 %	0,06	32 %	38 %
Восстановление справедливости						
Корыстный рецидив	0,14	24%	30%	0,12	22%	28%
Насильственный рецидив	0,64 (**)	38 %	84 %	0,55 (**)	38 %	78 %
Влияние на поведение другого						
Корыстный рецидив	0,28	32 %	48 %	0,32	28 %	44 %
Насильственный рецидив	0,58 (**)	32 %	72 %	0,52 (**)	32 %	68 %

Примечание: а) представлены цели преступления, статистически значимо связанные с антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией; б) значения приведены в процентах; в) показатели статистической значимости коэффициентов корреляции приведены в значении: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Результаты показывают, что уровень социально-психологической дезадаптации влияет на выбор целей преступления, в том числе различаясь по корыстным и насильственным преступникам. Дезадаптированность приводит к выбору в качестве цели мотивировки «помощь семье и близким» для всех рецидивистов вне зависимости от характера совершенного ими преступления. Целью корыстных преступлений является достижение субъективно важного результата, получение дорогих и недоступных вещей, а целью насильственных – восстановление справедливости и влияние на поведение другого.

Таблица 4. Влияние уровня антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации рецидивистов на представление о преступлении

Table 4. The effect of the level of antisocial perceptions and socio-psychological maladjustment among repeat offenders on their perceptions of crime

Структура преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Обдумывание необходимости совершения преступления						
Корыстный рецидив	0,38 (*)	54 %	82 %	0,41 (**)	52 %	78 %
Насильственный рецидив	0,58 (**)	46 %	88 %	0,54 (**)	48 %	84 %

Структура преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Наличие плана преступления						
Корыстный рецидив	-0,68 (**)	86 %	48 %	-0,61 (**)	82 %	52 %
Насильственный рецидив	0,04	44 %	46 %	0,08	42 %	46 %
Оценка риска совершения преступления						
Корыстный рецидив	-0,22	54 %	31 %	-0,19	52 %	32 %
Насильственный рецидив	0,10	34 %	20 %	0,14	32 %	38 %
Стратегия поведения после преступления						
Корыстный рецидив	-0,64 (**)	80 %	42 %	-0,58 (**)	76 %	44 %
Насильственный рецидив	0,06	36 %	40 %	0,11	34 %	38 %
Осознание последствий изобличения						
Корыстный рецидив	-0,38 (*)	60 %	36 %	-0,34 (*)	58 %	38 %
Насильственный рецидив	-0,26	50 %	34 %	-0,22	48 %	36 %
Знание потерпевшего до преступления						
Корыстный рецидив	0,24	62 %	76 %	0,28	58 %	74 %
Насильственный рецидив	0,62 (**)	58 %	90 %	0,59 (**)	62 %	88 %
Соответствие преступления его плану						
Корыстный рецидив	-0,44 (**)	74 %	46 %	0,39 (**)	72 %	48 %
Насильственный рецидив	-0,18	48 %	38 %	-0,12	45 %	38 %
Применение насилия по ходу преступления						
Корыстный рецидив	0,06	20 %	24 %	0,08	18 %	22 %
Насильственный рецидив	0,61 (**)	48 %	88 %	0,56 (**)	52 %	86 %
Достижение цели преступления						
Корыстный рецидив	0,52 (**)	64 %	94 %	0,48 (**)	68 %	92 %
Насильственный рецидив	0,36 (*)	54 %	80 %	0,31 (*)	58 %	78 %

Примечание: показатели статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$

Социально-психологическая дезадаптация по-разному сказывается на представлении о структуре корыстного и насильственного преступления. У корыстных рецидивистов высокая социально-психологическая дезадаптация приводит к снижению планирования преступления (отказ от построения плана действий выше на 32 % у лиц с высоким уровнем дезадаптации), но росту потребности в его совершении (убеждение в необходимости совершения преступления на 26 % выше) и признанию результата (указание на достижение намеченной цели на 24 % выше). Кроме того, у корыстных рецидивистов рост социально-психологической дезадаптации повышает рассогласование между замыслом преступления и реальностью (снижается на 24 % по сравнению с рецидивистами с низким уровнем социально-психологической дезадаптации).

У насильственных рецидивистов высокий уровень социально-психологической дезадаптации не сказывается на планировании, но повышает опасность насилия в отношении близкого социального окружения (на 26 % чаще у лиц с высоким уровнем дезадаптации). Кроме того, дезадаптация повышает убежденность в необходимости совершения преступления (на 36 % выше), применение дополнительного насилия в отношении потерпевшего (на 34 % выше).

Гипотеза 3. Моральные регуляторы недопустимости преступления (стыд и вина) снижаются с каждым циклом рецидива.

Проверка гипотезы осуществлялась путем расчета интегрального показателя, обобщающего выражение стыда и вины у опрошенных рецидивистов. Показатель обобщал ответы на вопросы анкеты, характеризующие представление о вине и стыде в связи с совершением преступления и отбыванием наказания. Возможность расчета интегрального показателя обосновывается, во-первых, тематикой вопросов, измеряющих реакции вины и стыда (индикаторы переживания вины: «Переживаете ли вину за совершенное преступление?», «Положительно или отрицательно повлияло совершенное преступление на Вас?», «Раскаиваетесь ли в совершенном преступлении?»; индикаторы проявления совести: «Улучшилось или ухудшилось Ваше мнение о себе после преступления?», «Следует ли оправдываться перед близкими Вам людьми за преступление?», «Следует изменить мнение близких о Вас из-за совершенного преступления?»).

Статистически возможность обобщения обоснована согласованностью ответов на утверждения вне зависимости от темы вины либо стыда (α -Кронбаха (для бинарных переменных) = 0,89, межпунктовая корреляция $R = 0,63$, $p < 0,001$), что позволяет использовать их как единую шкалу. Полученная таким образом шкала моральной регуляции оценивает переживания и представления осужденных рецидивистов о совершенных ими преступлениях, о связанном с ними наказании, а также отношении к себе и окружению. Диапазон значений ее баллов находится в промежутке от 0 до 12. Высокие значения (от 9 до 12) свидетельствуют о переживаниях стыда и вины, в том числе перед собой и близкими за совершенное преступление; средние значения (от 5 до 8) указывают на отсутствие отдельных переживаний в связи с совершенным преступлением; низкие значения (от 0 до 4) демонстрируют изолированные (разрозненные) либо отсутствующие переживания стыда, вины за преступление.

Корреляция показателя моральной регуляции продемонстрировала статистически значимые отрицательные связи с ранее рассчитанными показателями антиобщественных представлений о преступлении и наказании ($r = -0,72$ при $p < 0,001$), с социально-психологической дезадаптацией ($r = -0,68$ при $p < 0,001$).

Психологическое значение выражается в ухудшении моральной регуляции поведения и, как следствие, в повышении готовности к совершению преступлений и социально-психологической дезадаптации в обществе. Снижение уровня стыда и вины сочетается с повышением антиобщественных представлений у рецидивиста, в частности, с признанием им допустимости совершения преступления, обесцениванием уголовного наказания, а также самооправданием. Снижение уровня моральной регуляции связано с ростом социально-психологической дезадаптации, выражающейся в ухудшении представлений о себе, отсутствии планирования собственной жизни после освобождения и констатации несоответствия жизненных планов реальности.

Данный вывод подтверждает оценка влияния на уровень вины и стыда у корыстных и насильственных рецидивистов антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации, полученная методом множественной линейной регрессии.

$$\text{Уровень вины} = 6,84 - 0,76 * \text{АПН} - 0,32 * \text{СПД} - 0,44 * \text{СУД} + 0,38 * \text{ТИП} \quad (1)$$

$$\text{Уровень стыда} = 6,92 - 0,70 * \text{АПН} - 0,38 * \text{СПД} - 0,46 * \text{СУД} + 0,26 * \text{ТИП} \quad (2),$$

где: АПН – проявления антиобщественных представлений о преступлении и наказании;
СПД – уровень социально-психологической дезадаптации;
СУД – количество судимостей;
ТИП – тип рецидива (корыстный, насильственный).

Примечание: уравнения рассчитывались на выборке из 836 осужденных, нормальность остатков проверена тестом Шапиро-Уилка (показатель вины: $W = 0,994$, $p = 0,186$; показатель стыда: $w = 0,992$, $p = 0,092$); гомоскедастичность – тестом Бройша-Пагана (показатель вины: $\chi^2 = 3,24$, при $p = 0,196$; показатель стыда: $\chi^2 = 2,98$, при $p = 0,225$); мультиколлинеарность (VIF для АПН = 2,34; для СПД = 2,18, для СУД = 1,92, для типа рецидива 1,56).

Статистики модели: для вины ($R^2 = 0,47$, $F(4,831) = 184,2$, $p < 0,001$, станд. ошибка оценки = 0,78); для стыда ($R^2 = 0,41$, $F(4,831) = 144,8$, $p < 0,001$, станд. ошибка оценки = 0,86).

Регрессионный анализ продемонстрировал влияние антиобщественных представлений на снижение уровня вины ($\beta = -0,48$) и стыда ($\beta = -0,44$) за совершенное преступление и понесенное наказание. Социально-психологическая дезадаптация влияет на вину и стыд в меньшей мере, но статистически значимо ($\beta = -0,18$) и ($\beta = -0,21$). Количество судимостей более интенсивно влияет на снижение уровня вины ($\beta = -0,24$) и стыда ($\beta = -0,25$), чем социально-психологическая дезадаптация, что свидетельствует о большем негативном влиянии, оказываемом на личность отбыванием наказания в местах лишения свободы, чем измеряемые нами в плоскости дезадаптации эффекты от разрыва отношений с социальным окружением.

В целях выявления динамики уровня моральной регуляции был выполнен его анализ с дифференциацией корыстных и насильственных преступлений с контролем количества судимостей (рис.2). Рисунок показывает, что у насильственных и корыстных рецидивистов уровень снижается статистически значимо и монотонно от второй к пятой судимости до 41–48 % от исходного уровня.

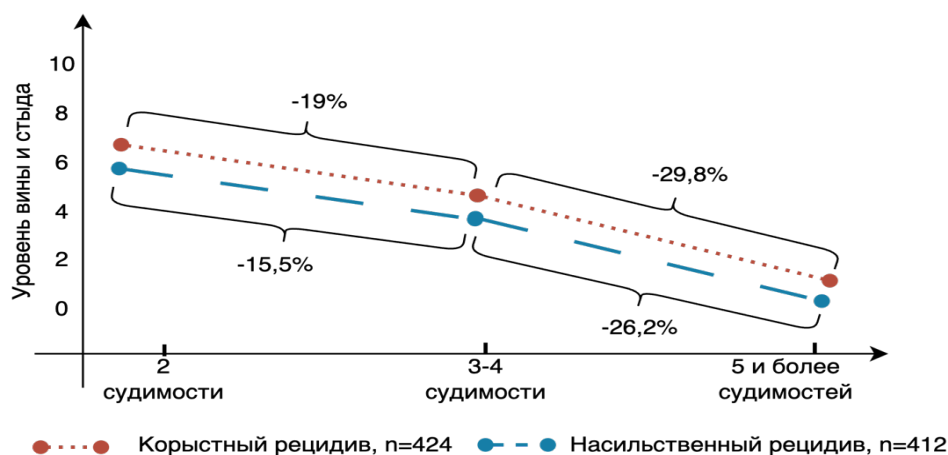

Рис. 2. Изменение интенсивности переживаний стыда и вины в зависимости от количества судимостей

Fig. 2. Changes in the intensity of experiencing shame and guilt depending on the number of criminal convictions

Примечание: (а) по оси абсцисс отложено количество судимостей, по оси ординат уровень вины и стыда; (б) цветными линиями показаны средние значения вины и стыда; (в) изменение (в %) рассчитано от уровня вины и стыда в группах дважды судимых лиц.

Интерес представляет оценка составляющих моральную регуляцию показателей вины и стыда. В обеих группах корреляция между переживаниями вины и стыда сильная (у корыстных преступников $r = 0,68$, $p < 0,001$; у насильственных $r = 0,72$, при $p < 0,001$), но у насильственных преступников уровень вины, и стыда несколько выше.

При этом у корыстных рецидивистов стыд преобладает над виной (уровень вины (ср. знач.) = 5,43; уровень стыда (ср. знач.) = 5,96; различия статистически значимы: $U_{\text{крит.}} = 2,04$, $p < 0,041$). Это указывает на озабоченность корыстных рецидивистов представлением о себе в глазах окружающих, но при обесценивании уголовного наказания. Эти лица оправдывают совершение преступления интересами семьи и близких родственников, не испытывая переживаний из-за понесенного уголовного наказания. У насильственных преступников уровни вины и стыда статистически не различаются (уровень вины (ср. знач.) = 5,86; уровень стыда (ср. знач.) = 5,87; различия статистически незначимы $U_{\text{крит.}} = 0,12$, $p = 0,904$).

Поскольку были выявлены различия между группами лиц с разным числом судимостей, дополнительно использовался анализ ковариаций (ANCOVA). Он показал, что после контроля числа судимостей ($F = 682,4$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,45$) тип преступления остается значимым предиктором моральной регуляции ($F = 58,7$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,07$). Взаимодействие также значимо ($p = 0,016$) подтверждает, что снижение моральной регуляции происходит разными темпами у рецидивистов, тяготеющих к совершению корыстных либо насильственных преступлений.

Для определения интенсивности изменений, вызванных дефектом моральной регуляции у рецидивистов, нами были рассчитаны корреляции между уровнем переживаний вины и стыда у лиц с минимальным количеством судимостей (две судимости), средним по выборке (три–четыре судимости) и максимальным (пять и более судимостей) (таблица 5).

Таблица 5. Различия в уровне переживаний стыда и вины у рецидивистов в связи с увеличением количества судимостей

Table 5. Differences in the level of shame and guilt experienced by repeat offenders depending on the increasing number of convictions

Уровень моральной регуляции (переживаний стыда и вины)	Корыстный рецидив	Насильственный рецидив
Уровень моральной регуляции (у лиц с двумя судимостями)	11,39	11,73
Уровень вины	5,43	5,86
Уровень стыда	5,96	5,87
Уровень моральной регуляции (у лиц с тремя–четырьмя судимостями)	9,64	9,72
Уровень вины	4,68	5,3
Уровень стыда	4,96	4,42
Уровень моральной регуляции (у лиц с пятью и более судимостями)	6,77	6,93
Уровень вины	3,34	3,46
Уровень стыда	3,43	3,47
Корреляция показателя моральной регуляции и судимости	$r = 0,66$, $p < 0,001$	$r = 0,69$, $p < 0,001$

Результаты оценки переживаний вины и стыда показывают, что обоим типам рецидивистов свойственно снижение уровня моральной регуляции при увеличении количества судимостей ($F = 682,4$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,45$). При этом рецидивисты, совершившие насильственные преступления, изначально имеют более высокий уровень моральной регуляции, чем совершившие корыстные преступления. Это выражается в более широком спектре переживаний вины и стыда за совершенное преступление, признании наказания оправданным и в стремлении изменить представление о себе у близких родственников и знакомых.

Но на этапе между тремя–четырьмя и пятью судимостями уровень моральной регуляции у данной категории преступников снижается до уровня корыстных рецидивистов. Однако доля лиц, характеризующихся отрицанием вины и стыда, среди корыстных преступников, имеющих пять и более судимостей, превышает насильственных на 18 % в выборке (для корыстного рецидива – 48 %, насильственного – 30 %). Это свидетельствует о неприятии рецидивистами, совершающими корыстные преступления, моральной ответственности и, как следствие, неспособности данного вида внутриличностной регуляции влиять на совершаемые ими поступки.

Интерпретация

Результатом исследования является проверка теоретических представлений о психологических изменениях личности рецидивиста, препятствующих реинтеграции в общество.

Нами предполагалось, что личность рецидивиста характеризуется двумя новообразованиями, усиливающимися с каждым циклом рецидива (совершение преступления – отбывание наказания – постпенитенциарная реинтеграция):

(а) антиобщественными представлениями о преступлении и наказании;

(б) представлениями о социально-психологической дезадаптации (приводящими к разрыву социальных связей, отказу от взаимодействия и избеганию планирования собственной жизни).

Полученные результаты подтверждают выдвинутые гипотезы, свидетельствуя о специфических изменениях личности рецидивиста, происходящих в связи с каждым совершением преступления и отбыванием наказания. Характер изменений соответствует теоретически описанным отечественными и зарубежными исследователями проявлениям, однако расширяет и уточняет их, указывая на рост антиобщественной направленности личности, затрудняющей реинтеграцию в общество и способствующей совершению новых преступлений.

1. Установлено, что с ростом количества судимостей у рецидивиста повышается уровень антиобщественных представлений о преступлении и наказании. Данные результаты в целом соответствуют результатам, полученным Н. А. Цветковой (Цветкова, 2024), однако трактуются нами более расширительно. Как показывают результаты исследования, эти представления выполняют две функции: 1) объясняют допустимость преступления; 2) обесценивают значимость наказания и его последствий на рецидивиста.

Такой комплекс представлений не ограничивается индикаторами, использованными нами в исследовании, однако измеренные нами характеристики (признание допустимости, отрицание наказания, самооправдание, ухудшение отношения к органам власти) продемонстрировали, во-первых, внутреннюю согласованность и взаимосвязь; во-вторых, рост в зависимости от числа судимостей; в-третьих, влияние на психологию совершения преступления.

Это психологическое новообразование объясняет устойчивость криминогенной направленности рецидивиста, поскольку обосновывает целесообразность антиобщественного противоправного поведения, одновременно снижая воздействие факта уголовного наказания на представления и переживания рецидивиста. Считая, что совершенное им преступление допустимо (в силу разных причин) и он не заслуживает наказания в той мере,

которое ему назначено, рецидивист фактически противопоставляет себя уголовно-правовой и уголовно-исполнительной системам. Поскольку заметный рост подобных представлений происходит на этапе между второй и третьей–четвертой судимостями (для корыстных с 38 % до 72 % уровня выраженности, для насильственных с 46 % до 76 %), можно полагать, что в этот период происходят закрепление антиобщественных представлений и окончательное формирование личности рецидивиста. К пятой судимости антиобщественные представления о преступлении и наказании выражены у 92 % рецидивистов.

Антиобщественные представления сказываются на психологии совершения корыстных и насильственных преступлений. Во-первых, пропадает этап планирования преступления у корыстных преступников (снижаясь с 82 % до 48 %), обдумывания ими собственных действий в ходе совершения (с 76 % до 42 %) и оценки риска последствий (с 54 % до 31 %). Фактически преступление становится спонтанным, подверженным импульсивным, а не рациональным соображениям. У насильственных преступников этап планирования в целом выражен слабо (с 44 % до 36 %), а с ростом антиобщественных представлений ухудшается оценка риска (с 34 % до 21 %). Данные особенности подтверждаются исследованием волевой саморегуляции (Коноплева и др., 2022), однако позволяют по-другому взглянуть на ее снижение. Видимо, рост антиобщественных представлений размывает сдерживающий психологический фактор – тревогу относительно последствий изобличения и уголовного преследования у обоих видов рецидивистов.

Во-вторых, рост антиобщественных представлений повышает опасность совершения преступлений в отношении близких и знакомых. Так, рецидивисты с высоким уровнем антиобщественных представлений, совершившие насильственные преступления, знали своих потерпевших в 90 % случаев, а корыстные – в 74 %. Кроме того, повышается субъективная обоснованность совершения преступлений (у корыстных с 52 % до 82 %; у насильственных – с 46 % до 88 %). Наконец, повышается вероятность применения необоснованного и непланируемого насилия при совершении преступлений – с 48 % до 88 %. Можно заключить, что антиобщественная направленность увеличивает вероятность совершения бытовых преступлений и повышает опасность для жизни и здоровья потенциальных жертв. Отчасти данные выводы подтверждаются исследованием Д. А. Пахомовой, описывающей высокие уровни агрессивности, депрессивности, тревожности и эмоциональной неустойчивости рецидивистов (Пахомова, 2023а).

В-третьих, антиобщественные представления негативно сказываются на оценке последствий преступления и наказания. И корыстные, и насильственные рецидивисты с высоким уровнем антиобщественных представлений считают, что цель преступления была ими достигнута (94 % для корыстных; 80 % для насильственных). При этом их мнение о себе ухудшается в меньшей мере, чем у лиц с низким уровнем антиобщественных представлений (для корыстного рецидива у 32 %, а не у 52 %; для насильственного – у 38 %, а не у 72 %); о раскаянии сообщают лишь 12 % корыстных и 14 % насильственных преступников.

2. Определена специфика социально-психологической дезадаптации, характеризующая личность рецидивиста. Полученные нами результаты позволяют заключить, что социально-психологическая дезадаптация свойственна рецидивистам и усиливается пропорционально циклам рецидива. Ее содержание составляют субъективные представления, которые поддерживают негативное самоотношение и социальную неполноценность.

Эти представления побуждают к отказу от планирования собственной жизни и усилий по ее осуществлению, к разрыву связей с правопослушным социальным окружением. Ранее на материале дисфункции отношений к социальному окружению лиц, находящихся под административным надзором органов внутренних дел, нами уже отмечался присущий

им дефицит субъектности (Злоказов & Пивоварова, 2024). Однако в текущем исследовании показано, что проблемы субъектности у рецидивистов являются частью более общего явления социально-психологической дезадаптации. Похожие выводы получены в исследовании D. J. Simourd и M. E. Olver осужденных, отбывающих наказание за совершение насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлений (Simourd & Olver, 2002). Исследование показало, что антиобщественная ориентация сопряжена с прокриминальными установками, негативным восприятием закона, восприятием себя как преступника, что негативно сказывается на перспективах реинтеграции после освобождения из исправительного учреждения.

Значение социально-психологической дезадаптации заключается в субъективном переживании рецидивистом собственных антиобщественных представлений, отторгающих его от правопослушной части общества и препятствующих реинтеграции. На это указывают:

а) рост антиобщественных представлений, опережающий повышение уровня дезадаптации у корыстных и насильственных рецидивистов. У корыстных рецидивистов прирост составляет +18 % (с двух до трех–четырёх судимостей), +16 % (с трех–четырёх до пяти судимостей); у насильственных рецидивистов +30 % (с двух до трех–четырёх судимостей), +12 % (с трех–четырёх до пяти и более судимостей);

б) негативные изменения в самоотношении, охватывающие к пятой судимости 90 % рецидивистов. В них ведущее значение имеет разрыв между представлениями о жизни и реальностью, осознаваемый рецидивистами (снижение на 46 % у корыстных; на 34 % у насильственных); отказ от планирования собственной жизни (снижение на 44 % у обеих групп) и ухудшение самооценки (снижение на 22 % у корыстных и 18 % у насильственных).

Увеличение социально-психологической дезадаптации повышает риск совершения преступления, однако в сравнении с антиобщественными представлениями, как нам видится на основе полученных данных, имеет обуславливающее, а не детерминирующее значение. Составляющие ее представления фрустрируют рецидивиста, поскольку показывают, что ему, во-первых, недоступны возможности, которыми обладает правопослушный субъект (в силу низкого социального статуса рецидивиста и отсутствующего социального капитала); во-вторых, он не сможет достичь целей, к которым стремился до совершения преступления (некомпетентность и недостаточная эффективность). Данная симптоматика была описана И. С. Ганишиной и С. В. Русиновым, исследовавшими в контексте перспективы жизненных планов специфику личностных особенностей осужденных на различных этапах отбывания наказания (от упрямства, пассивности и утраты смысла жизни до легкомысленности и завышенной самооценки) (Ганишина & Русаков, 2022).

Наше исследование показало, что дезадаптация увеличивает субъективную обоснованность преступления (на 26 % у корыстных рецидивистов и на 42 % у насильственных) и фокусирует преступление на ближайшем социальном окружении (на 30 % больше потерпевших от насильственных действий и на 10 % – от корыстных); повышает готовность к применению насилия (на 38 % выше у насильственных рецидивистов). Высокая социально-психологическая дезадаптация повышает риск совершения насильственных преступлений в отношении близких рецидивисту лиц.

Рост социально-психологической дезадаптации у насильственных рецидивистов обосновывает мотивацию отомщения и наказания виновных. Какова мотивация данных действий? Анализ целей совершения преступления показывает, что насильственный рецидив ориентирован на «восстановление справедливости» (78 %) и «влияние на поведение другого (68 %)» (таблица 3). В объяснениях обследованных рецидивистов отмечается, что ими двигало стремление к прекращению нежелательных действий партнера, утверждению справедливости,

наказанию обидчика. Важно подчеркнуть, что данные описания даются при совершении и двух, и трех–четырех, и пяти, и более преступлений. Можно полагать, что его психологическим механизмом выступает деструктивное стремление к восстановлению самооотношения через причинение насилия окружающим. Акт насилия имеет здесь более символическое, чем практическое значение, поскольку насилие компенсирует социальное и моральное неравенство рецидивистов. Несостоятельность потерпевшего защищать себя и свое имущество, применение к нему насилия дают нападающему рецидивисту символическое подтверждение собственных возможностей. Следует отметить, что для корыстного рецидива уровень социально-психологической дезадаптации не сказывается на повышении риска в отношении социального окружения, напротив, целями совершения преступлений рецидивисты называют «помощь семье» (84 %); «получение дорогих, недоступных вещей» (64 %). Фактически развитию социально-психологической дезадаптации сопутствует усиление мотивации достижения, ориентированной на противоправные действия.

3. Выявлены изменения в моральной регуляции поведения, снижающие ее эффективность при противодействии преступному поведению. Эти результаты в целом соответствуют криминологическим представлениям о личности рецидивиста, например, в трактовке И. С. Лебешева, отметившего: *«Вину за совершенное преступление они, как правило, не признают, перекладывая ответственность на государство, правоохранительные органы или самого потерпевшего»* (Лебешев, 2025).

В исследовании изучался уровень переживаний вины и стыда за совершенные преступления у корыстных и насильственных рецидивистов с различным количеством судимостей.

Результаты показывают, что:

(а) переживание вины и стыда отличается у рецидивистов, совершивших насильственные преступления, и у рецидивистов, совершивших корыстные преступления. Количественно субъекты с криминальным насилием характеризуются более высоким уровнем вины (U крит. = 62,84, при $p < 0,001$) и стыда (U крит. = 65,284, при $p < 0,001$), чем рецидивисты, совершившие корыстные преступления. Фактически доля рецидивистов с высокой интенсивностью переживания вины и стыда у насильственных преступников в 1,53 раза выше, чем у корыстных. Объяснение этому видится в противоречии между общественной моралью и преступлением (убийством, причинением тяжкого вреда здоровью и пр.), не позволяющем объяснить себе и окружающим его совершение. Как следствие, криминогенные механизмы сдерживания или нейтрализации данных переживаний, блокирующие моральную ответственность, еще не функционируют;

(б) у насильственных преступников нет различий в уровне переживания вины и стыда ($p = 0,631$), тогда как у корыстных стыд переживается более интенсивно, чем вина (U крит. = 2,04 при $p = 0,041$). В выборке обследованных у 43 % корыстных рецидивистов уровень стыда превышал уровень вины; у 35 % их уровни совпадали. В сравнении с ними у 45 % насильственных рецидивистов уровни вины и стыда были равны; у 21 % вина превышала стыд, и только в 27 % случаев стыд превышал уровень вины. Объясняется это тем, что для корыстных рецидивистов важна социальная оценка их личности: социальное окружение выполняет значимую роль в формировании их самооотношения. Результаты показывают, что для насильственных преступников вина и стыд не дифференцируются, поскольку осознание неправильности собственных действий (вина) неотделимо от негативной социальной оценки их личности в целом (стыд). По-видимому, вина и стыд комплексно стимулируют формирование негативного самооотношения, проявления которого наблюдались нами через негативную отраженную оценку (представление о себе в глазах окружающих) и сниженную самооценку;

(в) уровень переживаний вины и стыда снижается пропорционально количеству судимостей у всех рецидивистов. Так, если при двух судимостях уровень вины и стыда составляет 100 %, то с каждым циклом рецидива он снижается: у корыстных рецидивистов – на 18–19 %; у насильственных – на 23–28 %, снижаясь к пятой судимости до 35–40 % от исходного уровня. Сравнение групп рецидивистов с разным количеством судимостей показывает, что темпы снижения переживаний вины и стыда ускоряются между третьей–четвертой и пятой судимостями. У насильственных рецидивистов на этом этапе уровень переживаний вины снижается быстрее стыда ($p = 0,025$), тогда как у корыстных темпы снижения вины и стыда совпадают ($p = 0,575$). Мы объясняем это снижением восприимчивости данной категории лиц к социальной оценке из-за нарастающей социально-психологической дезадаптации. Интересно, что в исследовании G. D. Walters с соавторами похожие результаты объясняются ростом возможностей преступников по нейтрализации моральной оценки и упрощением (примитивизацией) социального мышления (Walters et al., 2023).

Подводя итог, отметим, что полученные результаты указывают на специфические новообразования личности рецидивиста, вызванные влиянием циклов рецидива. Ведущим образованием личности рецидивиста выступает совокупность представлений о преступлении и наказании, поощряющих совершение преступления, а также поддерживающих социальную дезадаптацию. Формирование личности рецидивиста характеризуется качественными и количественными изменениями, повышающими общественную опасность его поведения и социальную дезадаптацию с каждым циклом рецидива. Такой вывод созвучен характеристике, данной А. П. Некрасовым категории рецидивистов, которой свойственна деградация социальной составляющей личности (выражающаяся в исключении из социальных связей в сочетании с нарастанием антиобщественных привычек и взглядов) (Некрасов, 2005). Как показывает наше исследование, такая деградация свойственна более широкому контингенту неоднократно осужденных лиц.

Психологическим механизмом этого процесса является развитие и закрепление антиобщественной направленности личности, которая складывается из двух взаимно усиливающих друг друга компонентов – антиобщественных представлений о преступлении и наказании

Рис. 3. Изменение субъективных представлений с увеличением количества судимостей: формирование личности рецидивиста

Fig. 3. Changes in subjective perceptions with increasing number of convictions: formation of a recidivist personality

и представлений о допустимости социально-психологической дезадаптации, отчуждающих от ценностей, норм правопослушного общества, побуждающей к прекращению социальных связей с ним.

В искаженном антиобщественными представлениями сознании рецидивиста преступление становится способом достижения целей, недоступных вследствие развивающейся и усиливающейся социально-психологической дезадаптации. Карательное значение уголовного закона обесценивается, а наказание в виде лишения свободы рассматривается несправедливым, но подтверждающим антиобщественный статус в правопослушном обществе, исключающем возможность реинтеграции. Субъективная картина подготовки преступления рецидивистом подкрепляет эти предположения, показывая снижение страха перед последствиями уголовного наказания, готовности к преступным посягательствам на имущество, здоровье и жизнь близких людей, выстраивание самооправдания с утратой переживаний вины и стыда за совершенные действия. С каждым циклом рецидива вина и стыд как компоненты механизма морального контроля поведения у рецидивиста деградируют, утрачивая функцию сдерживания его антиобщественных побуждений. Этот факт согласуется с идеей о ресурсной функции вины и стыда, сформулированной Е. Г. Зуевой, однако демонстрирует, что их уровень может не достигать необходимого значения, обеспечивающего трансформацию субъектности у рецидивистов (Зуева, 2025).

Еще одним последствием нарушения моральной регуляции может стать угасание способности к восприятию переживаний окружающих людей, которое традиционно описывается как усиление жестокости, эмоциональной нечувствительности и потеря эмпатии. Однако с точки зрения социального познания рецидивисты утрачивают способность понимать причины поступков других людей, адекватно оценивать их поведение и прогнозировать их действия. Итоги исследования L. Oprea с соавторами, продемонстрировавшие снижение способности ментализации (возможности понимать и оценивать поведение других людей) у рецидивистов, отчасти соответствуют сделанным нами выводам (Oprea et al., 2025).

Результаты подтверждают и выводы зарубежных авторов о проблемах организации ресоциализирующего воздействия на рецидивистов в пенитенциарный период (Сечко, 2020), поскольку свидетельствуют о специфических изменениях личности, препятствующих любому профилактическому воздействию. Присущие такой личности антиобщественные установки и представления о допустимости социально-психологической дезадаптации объясняют не только основания намеренного противопоставления себя обществу, но и устойчивость подобной позиции. В определенной мере социальная дезадаптация является выбором рецидивиста, а не следствием воздействия на него пенитенциарной среды.

Результаты исследования подтверждают идеи Ю. Е. Суслова, А. Ф. Федорова и А. В. Беспалова о том, что цели воспитательного воздействия в виде привития правовых и моральных норм, формирование правосознания и понимание неотвратимости наказания, развитие ответственности перед обществом могут быть переосмыслены с учетом психологических особенностей личности рецидивиста (Суслов и др., 2024). Нравственное, правовое, трудовое, физическое и иные направления воспитательного воздействия на осужденных рецидивистов могут быть успешно реализованы при трансформации форм и методов воспитательной работы, ориентированной на более высокий уровень антиобщественных представлений о преступлении и наказании и социально-психологической дезадаптации. Их влияние очевидно затрудняет осуществление воспитательной работы и при завершении срока отбывания наказания может препятствовать реинтеграции в общество. Результаты нашего исследования отчасти объясняют, почему усилия по профессиональному обучению лиц, отбывающих наказание, их трудоустройству после освобождения не слишком заметно влияют на снижение рецидивной преступности (Филиппова, 2022) и оставляют под вопросом достижение цели исправления осужденного.

Заключение

В статье выдвигалась, теоретически и эмпирически обосновывалась гипотеза о регулятивной специфике личности рецидивиста, характеризующейся антиобщественными представлениями о преступлении и наказании, а также представлениями о социально-психологической дезадаптации, приводящими в совокупности к росту риска рецидива преступления в зависимости от увеличения циклов рецидива.

Теоретическое исследование расширило сведения о личности рецидивиста и раскрыло психологическое своеобразие ее составляющих. Выявление закономерностей в субъективных представлениях о преступлении и наказании, присущих рецидивистам, восполняет существующий дефицит информации о психологических регуляторах противоправного поведения, дополняя и уточняя знания о предпосылках неудач реинтеграции в общество. Теоретическое исследование обосновало возможность использования социально-когнитивного подхода и теорий социального познания для анализа представлений о преступлении и наказании у неоднократно судимых лиц.

Методическим результатом исследования стало обоснование возможности диагностики представлений о преступлении, наказании, а также личности рецидивиста в связи с ними. Кроме того, исследование актуализировало потребность в специализированных методиках диагностики вины и стыда у лиц, осужденных за совершение различных видов преступлений.

Ограничения исследования. Теоретическим ограничением является выбранный субъектно-деятельностный подход к личности рецидивиста, не позволяющий изучить компоненты личности за пределами аналитической схемы рецидива преступления. Его преодоление может быть выполнено за счет применения дифференциально-типологического и социально-психологического подходов к изучению личности рецидивиста. Эмпирическим ограничением является сопоставительный, а не лонгитюдный дизайн исследования. В связи с этим, несмотря на однородность дисперсий показателей в подгруппах выборок с разным количеством рецидива, целесообразным выступает подтверждение полученных результатов посредством лонгитюдного исследования.

Дальнейшими направлениями применения результатов исследования выступают, во-первых, разработка теории личности рецидивиста с позиции теории социального познания; во-вторых, понимание механизмов регуляции правопослушного и противоправного поведения, базирующихся на антиобщественных представлениях о преступлении и наказании, а также моральных переживаниях вины и стыда; в-третьих, дальнейшее исследование психологии насильственных и корыстных преступлений, совершаемых неоднократно судимыми лицами.

Список литературы

- Абульханова, К. А. (2002). Социальные представления и мышление личности. В *Современная психология: состояние и перспективы исследований* (Ч. 3, с. 88–103). Институт психологии РАН.
- Антонян, Е. А. (2014). *Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование* [Диссертация доктора юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)].
- Ганишина, И. С., & Русаков, С. В. (2022). Жизненные планы осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима. *Пенитенциарная наука*, 16(2), 213–219. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.011>

- Глухов, А. А., & Егерова, О. А. (2019). Роль характеристики личности преступника в расследовании преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. *Молодой ученый*, (12), 159–162.
- Горкин, В. И. (2007). *Рецидивная преступность и криминальная среда* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Саратовская государственная юридическая академия].
- Забелич, А. А. (2013). *Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования* [Диссертация кандидата юридических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний].
- Злоказов, К. В. (2014). Стили криминального мышления как диагностический конструкт. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, (1), 76–80.
- Злоказов, К. В. (2021). *Социальное пространство в представлении преступника*. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Злоказов, К. В., & Пивоварова, Т. В. (2024). Дисфункции отношений к социальному окружению в контексте нарушений социальной реинтеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы. *Виктимология*, 11(1), 162–175. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-162-175>
- Зуева, Е. Г. (2025). Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (108), 294–302.
- Ковалев, А. Г. (1968). *Психологические основы исправления правонарушителя*. Юридическая литература.
- Козлов, А. П., & Севастьянов, А. П. (2015). *Единичные и множественные преступления*. Юридический центр-Пресс.
- Коноплева, И. Н., Князева, С. О., Дебольский, М. Г., & Красненкова, С. А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право*, 12(2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Короткова, Е. В. (2002). *Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому* [Диссертация кандидата психологических наук, Ростовский государственный университет].
- Кунц, Е. В. (2025). Некоторые вопросы криминологической характеристики преступника, совершившего рецидивное преступление. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*, (2), 12–15. <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2025-2-12-15>
- Кургузкина, Е. Б. (2003). *Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений* [Автореферат диссертации доктора юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации].
- Лебешев, И. С. (2025). *Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)].
- Левина, Е. А. (2004). *Исследование характерологических симптомокомплексов различных групп осужденных* [Диссертация кандидата психологических наук, Самара].
- Леонов, Н. И. (2004). Онтологический подход в социальной психологии. *Ярославский психологический вестник*, 13, 30–32.
- Макогон, И. К., & Ениколопов, С. Н. (2014). Апробация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP). *Вопросы психологии*, 4, 118–126.
- Миньковский, Г. М. (1971). К вопросу о типологии несовершеннолетних правонарушителей. В *Вопросы судебной психологии: Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной конференции по судебной психологии* (с. 31–32).

- Михайлов, А. Н. (1998). *Личность и деятельность рецидивиста в условиях исправительного учреждения (психологический аспект)* [Диссертация кандидата психологических наук].
- Москалев, А. Ю. (2012). Особенности личности рецидивистов. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, (2), 84–89.
- Некрасов, А. П. (2005). *Пенитенциарный рецидив в исправительных учреждениях: теория исследования и меры противодействия* [Диссертация доктора юридических наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации].
- Новикова, Ю. В. (2021). Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений). *Общество и право*, 2 (76), 32–37.
- Пастушеня, А. Н. (2010). Уровни психической регуляции социального поведения индивида и их учет в психологическом анализе преступления. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*, 2 (20), 152–156.
- Пастушеня, А. Н. (2015). Психологическая диагностика степени исправления осужденных: основы теории и методики. *Прикладная юридическая психология*, 4, 10–20.
- Пахомова, Д. А. (2023a). К вопросу о психологических особенностях личности осужденных рецидивистов. *Прикладная юридическая психология*, 4 (65), 116–126. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).116-126](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).116-126)
- Пахомова, Д. А. (2023b). Теоретический анализ проблемы рецидивной преступности в современной юридической психологии. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4, 44–48. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-4-44-48>
- Поминов, А. В. (2026). Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (109), 307–318.
- Разумова, Е. М. (2007). *Психологические особенности личности преступников-рецидивистов* [Автореферат диссертации кандидата психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет].
- Ратинов, А. Р. (1981). К ядру личности преступника. В *Актуальные проблемы уголовного права и криминологии* (с. 59–63).
- Сахаров, А. Б. (1961). *О личности преступника и причинах преступности в СССР*. Госюриздат.
- Сечко, А. В. (2020). Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований). *Современная зарубежная психология*, 9(1), 85–93. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090109>
- Суслов, Ю. Е., Фёдоров, А. Ф., & Беспалова, А. В. (2024). Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект. *Психология и право*, 14(4), 68–84. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140405>
- Филиппова, О. В. (2022). Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период. *Всероссийский криминологический журнал*, 16(2), 207–216. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).207-216](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216)
- Филиппова, О. В. (2025). Рецидивная преступность в России: тенденции и закономерности. *Всероссийский криминологический журнал*, 19(2), 137–147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19\(2\).137-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147)
- Цветкова, Н. А. (2024). Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями. *Психология и право*, 14(3), 94–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140308>
- Шаранов, Ю. А., & Зуева, Е. Г. (2024). Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского

- общества. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 29(1), 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
- Щербаков, Г. В. (2023). Эволюция идеи исправления осужденных. *Прикладная юридическая психология*, 3 (64), 15–25.
- Эминов, В. Е., & Антонян, Ю. М. (2015). Личность преступника и ее формирование. *Актуальные проблемы российского права*, 1 (50), 37.
- Яковлев, А. М. (1971). *Преступность и социальная психология* (с. 35–37). Юридическая литература.
- Allen, C. H., Gullapalli, A. R., Milillo, M., Ulrich, D. M., Rodriguez, S. N., Maurer, J. M., Aharoni, E., Anderson, N. E., Harenski, C. L., Vincent, G. M., & Kiehl, K. A. (2024). Psychopathy scores predict recidivism in high-risk youth: A five-year follow-up study. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 52(7), 1089–1103. <https://doi.org/10.1007/s10802-024-01169-x>
- DeLisi, M., Drury, A. J., & Elbert, M. J. (2022). The p factor, crime, and criminal justice: A criminological study of Caspi et al.'s general psychopathology general theory. *International Journal of Law and Psychiatry*, 81, Article 101773. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2021.101773>
- Jasni, M. A., Hassan, N., Ibrahim, F., Kamaluddin, M. R., & Sulaiman, S. (2024). Exploring the factors of recidivism from the perspectives of homeless former prisoners, government agency officers, and volunteers. *Journal of Population and Social Studies*, 33, 175–197. <https://doi.org/10.25133/jpssv332025.01>
- Moretti, G., Flutti, E., Colanino, M., Ferlito, D., Amoresano, L., & Travaini, G. (2024). Recidivism risk in male adult sex offenders with psychopathic traits assessed by PCL-R: A systematic review. *Medicine, Science and the Law*, 64(1), 41–51. <https://doi.org/10.1177/00258024231187186>
- Opriş, L., Hurezan, L., & Visu-Petra, L. (2025). Reading the mind in the dark: Theory of mind and dark personality as predictors of criminal behavior and recidivism. *Journal of Criminal Justice*, 99, Article 102451. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2025.102451>
- Silver, J. R., & Silver, E. (2021). The nature and role of morality in offending: A moral foundations approach. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 58(3), 343–380. <https://doi.org/10.1177/0022427820960201>
- Simourd, D. J., & Olver, M. E. (2002). The future of criminal attitudes research and practice. *Criminal Justice and Behavior*, 29(4), 427–446. <https://doi.org/10.1177/0093854802029004005>
- Van Vugt, E., Gibbs, J., Stams, G. J., Bijleveld, C., Hendriks, J., & van der Laan, P. (2011). Moral development and recidivism: A meta-analysis. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 55(8), 1234–1250. <https://doi.org/10.1177/0306624X11396441>
- Walters, G. D. (2025). The effect of direct interventions for antisocial cognition on recidivism in antisocial populations: A meta-analysis. *Journal of Experimental Criminology*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1007/s11292-025-09675-8>
- Walters, G. D., Kremser, J., & Runell, L. (2023). Mediating the worst of both worlds effect with facets of criminal thought process: Moral neutralization, cognitive impulsivity, and their interaction. *Deviant Behavior*, 44(10), 1427–1442. <https://doi.org/10.1080/01639625.2023.2207710>
- Werth, K. A., & Coolidge, F. L. (2025). Psychological and neuropsychological assessment of recidivism in 1,490 adult prison inmates. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 36(6), 869–885. <https://doi.org/10.1080/14789949.2025.2581574>

References

- Abul'hanova, K. A. (2002). Social'nye predstavleniya i myshlenie lichnosti. V *Sovremennaya psihologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy* (Ch. 3, s. 88–103). Institut psihologii RAN.

- Antonyan, E. A. (2014). *Lichnost' recidivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitel'noe issledovanie* [Dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk, Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. O.E. Kutafina (MGYUA)].
- Ganishina, I. S., & Rusakov, S. V. (2022). Zhiznennye plany osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazaniya v ispravitel'noj kolonii obshchego rezhima. *Penitenciarnaya nauka*, 16(2), 213–219. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.011>
- Gluhov, A. A., & Egereva, O. A. (2019). Rol' harakteristiki lichnosti prestupnika v rassledovanii prestuplenij, sovershennyh ranee sudimymi licami. *Molodoj uchenyj*, (12), 159–162.
- Gorkin, V. I. (2007). *Recidivnaya prestupnost' i kriminal'naya sreda* [Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk, Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya].
- Zabelich, A. A. (2013). *Lichnost' professional'nogo prestupnika, otbyvayushchego nakazanie v mestah lisheniya svobody, kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya* [Dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk, Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy].
- Zlokazov, K. V. (2014). Stili kriminal'nogo myshleniya kak diagnosticheskij konstrukt. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, (1), 76–80.
- Zlokazov, K. V. (2021). *Social'noe prostranstvo v predstavlenii prestupnika*. Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Zlokazov, K. V., & Pivovarova, T. V. (2024). Disfunkcii otnoshenij k social'nomu okruzeniyu v kontekste narushenij social'noj reintegracii lic, osvobozhdennyh iz mest lisheniya svobody. *Viktimologiya*, 11(1), 162–175. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-162-175>
- Zueva, E. G. (2025). Resursnye funkcii viny, sovesti i styda v processe transformacij sub'ektnosti postpenitenciarnoj lichnosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (108), 294–302.
- Kovalev, A. G. (1968). *Psihologicheskie osnovy ispravleniya pravonarushitelya*. Yuridicheskaya literatura.
- Kozlov, A. P., & Sevast'yanov, A. P. (2015). *Edinichnye i mnozhestvennye prestupleniya*. Yuridicheskij centr-Press.
- Konopleva, I. N., Knyazeva, S. O., Debol'skij, M. G., & Krasnenkova, S. A. (2022). Osobennosti samoregulyacii u osuzhdennyh, sovershivshih prestupleniya pri recidive. *Psihologiya i pravo*, 12(2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Korotkova, E. V. (2002). *Social'no-psihologicheskij analiz viny i styda kak sistemy otnoshenij lichnosti k sebe i drugomu* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk, Rostovskij gosudarstvennyj universitet].
- Kunc, E. V. (2025). Nekotorye voprosy kriminologicheskoy harakteristiki prestupnika, sovershivshego recidivnoe prestuplenie. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2, 12–15. <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2025-2-12-15>
- Kurguzkina, E. B. (2003). *Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individual'noj profilaktiki prestuplenij* [Avtoreferat dissertacii doktora yuridicheskikh nauk, Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut MVD Rossijskoj Federacii].
- Lebeshev, I. S. (2025). *Lichnost' recidivista, otbyvayushchego nakazanie v mestah lisheniya svobody* [Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk, Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. O. E. Kutafina (MGYUA)].
- Levina, E. A. (2004). *Issledovanie harakterologicheskikh simptomokompleksov razlichnyh grupp osuzhdennyh* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk, Samara].
- Leonov, N. I. (2004). Ontologicheskij podhod v social'noj psihologii. *Yaroslavskij psihologicheskij vestnik*, 13, 30–32.

- Makogon, I. K., & Enikolopov, S. N. (2014). Aprobaciya metodiki izmereniya sklonnosti k perezhivaniyu chuvstv viny i styda (GASP). *Voprosy psihologii*, 4, 118–126.
- Min'kovskij, G. M. (1971). K voprosu o tipologii nesovershennoletnih pravonarushitelej. V *Voprosy sudebnoj psihologii: Tezisy dokladov i soobshchenij na Vsesoyuznoj konferencii po sudebnoj psihologii* (s. 31–32).
- Mihajlov, A. N. (1998). *Lichnost' i deyatel'nost' recidivista v usloviyah ispravitel'nogo uchrezhdeniya (psihologicheskij aspekt)* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk].
- Moskalev, A. Yu. (2012). Osobennosti lichnosti recidivistov. *Psihopedagogika v pravooohranitel'nyh organah*, (2), 84–89.
- Nekrasov, A. P. (2005). *Penitenciarnyj recidiv v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah: teoriya issledovaniya i mery protivodejstviya* [Dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk, Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii].
- Novikova, Yu. V. (2021). Tipologicheskie skhemy lichnosti prestupnika v strukture kriminologicheskoy harakteristiki prestupnosti (prestuplenij). *Obshchestvo i pravo*, 2 (76), 32–37.
- Pastushenya, A. N. (2010). Urovni psihicheskoy regulyacii social'nogo povedeniya individa i ih uchet v psihologicheskom analize prestupleniya. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*, 2 (20), 152–156.
- Pastushenya, A. N. (2015). Psihologicheskaya diagnostika stepeni ispravleniya osuzhdennyh: osnovy teorii i metodiki. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4, 10–20.
- Pahomova, D. A. (2023a). K voprosu o psihologicheskikh osobennostyah lichnosti osuzhdennyh recidivistov. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (65), 116–126. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).116-126](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).116-126)
- Pahomova, D. A. (2023b). Teoreticheskij analiz problemy recidivnoj prestupnosti v sovremennoj yuridicheskoy psihologii. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 4, 44–48. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-4-44-48>
- Pominov, A. V. (2026). Psihologicheskie aspekty sodержaniya viny v ugovnom prave. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (109), 307–318.
- Razumova, E. M. (2007). *Psihologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov-recidivistov* [Avtoreferat dissertacii kandidata psihologicheskikh nauk, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet].
- Ratinov, A. R. (1981). K yadru lichnosti prestupnika. V *Aktual'nye problemy ugovnogo prava i kriminologii* (s. 59–63).
- Saharov, A. B. (1961). *O lichnosti prestupnika i prichinah prestupnosti v SSSR*. Gosyurizdat.
- Sechko, A. V. (2020). Psihologicheskie faktory recidivizma i ego profilaktiki (po materialam zarubezhnyh issledovanij). *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 9(1), 85–93. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090109>
- Suslov, Yu. E., Fyodorov, A. F., & Bupalova, A. V. (2024). Sovremennye problemy povtornoj prestupnosti. Social'no-psihologicheskij aspekt. *Psihologiya i pravo*, 14(4), 68–84. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140405>
- Filippova, O. V. (2022). Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti recidivista v Rossii: osnovnye tendencii izmeneniya parametrov v sovremennyj period. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 16(2), 207–216. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).207-216](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216)
- Filippova, O. V. (2025). Recidivnaya prestupnost' v Rossii: tendencii i zakonovernosti. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 19(2), 137–147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19\(2\).137-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147)

- Cvetkova, N. A. (2024). Lichnostnye harakteristiki vnov' osuzhdennykh k lisheniyu svobody muzhchin, svyazannye s vremennym intervalom mezhdu dvumya sudimostyami. *Psihologiya i pravo*, 14(3), 94–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140308>
- Sharanov, Yu. A., & Zueva, E. G. (2024). Psihologo-yuridicheskaya dinamika struktury i funkciy viny v processe resheniya postpenitenciarnej problemy rossijskogo obshchestva. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 29(1), 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
- Shcherbakov, G. V. (2023). Evolyuciya idei ispravleniya osuzhdennykh. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 3 (64), 15–25.
- Eminov, V. E., & Antonyan, Yu. M. (2015). Lichnost' prestupnika i ee formirovanie. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 1 (50), 37.
- Yakovlev, A. M. (1971). *Prestupnost' i social'naya psihologiya* (s. 35–37). Yuridicheskaya literatura.
- Allen, C. H., Gullapalli, A. R., Milillo, M., Ulrich, D. M., Rodriguez, S. N., Maurer, J. M., Aharoni, E., Anderson, N. E., Harenski, C. L., Vincent, G. M., & Kiehl, K. A. (2024). Psychopathy scores predict recidivism in high-risk youth: A five-year follow-up study. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 52(7), 1089–1103. <https://doi.org/10.1007/s10802-024-01169-x>
- DeLisi, M., Drury, A. J., & Elbert, M. J. (2022). The p factor, crime, and criminal justice: A criminological study of Caspi et al.'s general psychopathology general theory. *International Journal of Law and Psychiatry*, 81, Article 101773. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2021.101773>
- Jasni, M. A., Hassan, N., Ibrahim, F., Kamaluddin, M. R., & Sulaiman, S. (2024). Exploring the factors of recidivism from the perspectives of homeless former prisoners, government agency officers, and volunteers. *Journal of Population and Social Studies*, 33, 175–197. <https://doi.org/10.25133/jpssv332025.01>
- Moretti, G., Flutti, E., Colanino, M., Ferlito, D., Amoresano, L., & Travaini, G. (2024). Recidivism risk in male adult sex offenders with psychopathic traits assessed by PCL-R: A systematic review. *Medicine, Science and the Law*, 64(1), 41–51. <https://doi.org/10.1177/00258024231187186>
- Opriş, L., Hurezan, L., & Visu-Petra, L. (2025). Reading the mind in the dark: Theory of mind and dark personality as predictors of criminal behavior and recidivism. *Journal of Criminal Justice*, 99, Article 102451. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2025.102451>
- Silver, J. R., & Silver, E. (2021). The nature and role of morality in offending: A moral foundations approach. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 58(3), 343–380. <https://doi.org/10.1177/0022427820960201>
- Simourd, D. J., & Olver, M. E. (2002). The future of criminal attitudes research and practice. *Criminal Justice and Behavior*, 29(4), 427–446. <https://doi.org/10.1177/0093854802029004005>
- Van Vugt, E., Gibbs, J., Stams, G. J., Bijleveld, C., Hendriks, J., & van der Laan, P. (2011). Moral development and recidivism: A meta-analysis. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 55(8), 1234–1250. <https://doi.org/10.1177/0306624X11396441>
- Walters, G. D. (2025). The effect of direct interventions for antisocial cognition on recidivism in antisocial populations: A meta-analysis. *Journal of Experimental Criminology*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1007/s11292-025-09675-8>
- Walters, G. D., Kremser, J., & Runell, L. (2023). Mediating the worst of both worlds effect with facets of criminal thought process: Moral neutralization, cognitive impulsivity, and their interaction. *Deviant Behavior*, 44(10), 1427–1442. <https://doi.org/10.1080/01639625.2023.2207710>
- Werth, K. A., & Coolidge, F. L. (2025). Psychological and neuropsychological assessment of recidivism in 1,490 adult prison inmates. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 36(6), 869–885. <https://doi.org/10.1080/14789949.2025.2581574>

Информация об авторах

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

Татьяна Васильевна Пивоварова – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин инженерно-технического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России, кандидат психологических наук.

About the authors

Kirill V. Zlokazov – Head of the Department for the Organisation of Research, Editorial and Publishing Activities, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Docent.

Tatyana V. Pivovarova – Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Faculty of Engineering and Technology, Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Cand. Sci. (Psy).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 01.07.2026

Одобрена после рецензирования 17.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted July 01, 2026

Approved after reviewing July 17, 2026

Accepted July 30, 2026